

Режиссёр, тронутый его словами, махнул рукой, и охранники отпустили юношу.

Пэй Цинъи, глядя на Юй Аня, который едва сдерживал ярость, медленно, отчеканивая каждое слово, произнёс:

— Юй Ань, запомни этот день. Ты будешь сожалеть о нём сильнее всего в жизни.

Сказав это, он развернулся и ушёл, не оглядываясь. По пути он срывал с себя бутафорский костюм, обнажая изодранную одежду под ним.

Все отчётливо увидели: его собственная одежда была исполосована ударами плети, на худых плечах проступали жуткие кровавые полосы, сочилась кровь. Теперь источник его ярости стал очевиден.

Со спины донёсся истеричный крик Юй Аня:

— Подонок! Не отпускайте его! Вы что, остолбенели? Догоняйте! Он меня ударил, вы ослепли что ли? Держите его! Чёрт!..

Но люди на съёмочной площадке, глядя на окровавленный костюм на полу, чувствовали себя неловко. Даже охранники, которые должны были тащить Пэй Цинъи, испытывали тягостное чувство. Неистовствующий Юй Ань теперь казался им жалким шутком, и ни в ком не осталось и капли сочувствия к нему.

Шэнь Минкэ получил звонок от Юй Аня с жалобами уже под вечер. Юй Ань с порога разрыдался, и Шэнь Минкэ, никогда не видевший его в таком состоянии, запаниковал. Юй Ань всегда был капризным, но никогда не рыдал так, сдавленно и обиженно. Шэнь Минкэ поспешно спросил, что случилось, кто его обидел, пообещал заступиться.

Однако Юй Ань, едва сдерживая рыдания, злобно выпалил, что это был Пэй Цинъи, и тут же потребовал объяснений: не поддерживает ли Шэнь Минкэ с ним связь, раз тот осмелился поднять на него руку.

Шэнь Минкэ опешил. — Ты говоришь, он тебя ударил?

Пэй Цинъи, всегда такой покорный, ударил Юй Аня? Шэнь Минкэ отказывался верить. Но факт оставался фактом.

Юй Ань, видя его недоверие, разъярился ещё больше и тут же позвонил по видео, чтобы продемонстрировать доказательства. На экране красавец плакал, его глаза опухли, а на щеке всё ещё алел не до конца сошедший след от пощёчины. Вид был жалкий.

Юй Ань, шмыгая носом, увидел, что Шэнь Минкэ всё ещё сомневается, и взорвался:

— Я что, специально нашёл кого-то, чтобы меня отлупили, лишь бы тебя обмануть?! — и яростно бросил трубку.

Мысль о том, что Шэнь Минкэ не поверил ему с первого слова, ещё больше расстроила Юй Аня, который и без того весь день был не в духе.

За всю свою жизнь Юй Аня никто никогда не бил. Хотя его семья не была знатной или богатой, он был самым младшим и красивым, его баловали с детства, что и взрастило его нынешний характер. А когда он подросток, то в шестнадцать снялся в своём первом сериале. Там-то его

ослепительную, надменную красоту и приметил Шэнь Минкэ. С тех пор карьера Юй Аня стремительно взлетела, и даже в грязном мире шоу-бизнеса он никогда не знал унижений — даже режиссёры, пасуя перед Шэнь Минкэ, не смели его ругать.

И вот сегодня его ударил какой-то дублёр, да ещё при всех!

Те, кто ещё вчера лебезил перед ним на площадке, сегодня словно ослепли и сделали вид, что ничего не заметили, позволив Пэй Цинъи просто уйти. Юй Ань искал его повсюду, даже устроил скандал в его прежней съёмной квартире, но Пэй Цинъи словно сквозь землю провалился.

Не найдя, на ком сорвать злость, Юй Ань, разумеется, прибежал с жалобами к Шэнь Минкэ. Ведь он изначально придирался к Пэй Цинъи именно из-за подозрений, что между ними что-то есть.

Вскоре Шэнь Минкэ перезвонил сам. Юй Ань, дуясь, несколько раз сбрасывал звонок, но в конце концов, не выдержав, ответил, не скрывая раздражения:

— Ты же мне не поверил! Чего звонишь? Чего спрашиваешь?

— Я не говорил, что не верю, просто нужно было время осмыслить. Малыш, ну будь же терпеливее, — Шэнь Минкэ, сам отродясь ни перед кем не пресмыкавшийся, с тех пор как сошёлся с Юй Анем, только и делал, что его ублажал, что его уже изрядно достало. Но он всё же сдержался и мягко спросил:

— Расскажи мне толком, что случилось? Только так я смогу понять, что к чему.

Юй Ань, подавляя гнев, поведал ему о событиях на площадке. Не стал скрывать ни того, что сам попросил сценариста добавить сцену, ни того, что велел актёру бить по-настоящему. Он ни в чём не видел своей вины и добавил:

— Если бы он не ходил с таким кислым лицом, я бы его и не трогал! Просто преподавал урок, чтобы знал своё место. Ну, получил пару раз, не помрёт же. А эти сволочи на площадке — вообще мерзость! Не то что не помогли, ещё и не дали мне его догнать! Чёрт, сукины дети! Я с ними больше работать не буду! Уволь их всех, найди новую съёмочную группу!

Думая о тех, кто был свидетелем его унижения, Юй Ань не мог успокоиться и наотрез отказывался возвращаться к съёмкам.

Он ожидал, что Шэнь Минкэ его утешит, но тот вместо этого засыпал вопросами, и голос его стал жёстче. — Ты специально велел его избить? Плетью? Сильно избили? Следы остались?

Глаза Юй Аня налились кровью от злости. Он до сих пор спрашивает, насколько сильно пострадал Пэй Цинъи! Сжав зубы, он холодно усмехнулся:

— Сильно? Ну, кровяшка немного подтекла, я же не велел его на куски порвать! Что, жалеешь? Жалеешь — так иди к нему, а ко мне не лезь! Меня ударили, а ты до сих пор ни слова про меня, только про него! Шэнь Минкэ, я тебя насквозь вижу!

— Малыш! — Шэнь Минкэ и впрямь расвирепел. — Что за слова! Я же тебе говорил — не трогай его! А ты всё своё! Ты...

На другом конце провода раздались короткие гудки — Юй Ань бросил трубку, а затем швырнул

телефон в стену, разбив его вдребезги. Слёзы, которые он сдерживал, хлынули потоком, и он, уткнувшись лицом в подушку, принялся глухо рыдать.

Прислуживавшая ему младшая ассистентка, услышав шум, робко постучала:

— Юй... Юй-гэ, позвать сестру Дай?

— Пошла вон! Не мешай! — Юй Ань швырнул в неё стоявший рядом стеклянный стакан. Тот угодил ассистентке прямо в лоб. Та, вся в крови и осколках, не посмела и слова вымолвить, лишь потупилась и закрыла дверь.

Юй Ань, глядя на осколки стекла с алыми брызгами на полу, вспомнил окровавленный костюм Пэй Цинъи, и обида его переполнила. Он плакал, уткнувшись в подушку.

А Шэнь Минкэ тоже пришлось несладко. Юй Ань устроил такой скандал и даже не понимал, что натворил, а теперь требовал, чтобы он отомстил Пэй Цинъи! Юй Ань не знал, кем теперь был Пэй Цинъи, но Шэнь Минкэ-то знал. Он мог лишь надеяться, что дядя ещё не вернулся и не видел Пэй Цинъи, — тогда он успеет с ним договориться, чтобы тот ничего не рассказывал.

Шэнь Минкэ позвал слугу. Его личный камердинер, тщедушный юноша, поспешил подойти:

— Молодой господин.

— Сходи, узнай у Сяо Тао, вернулся ли мой дядя? Быстро, узнал — сразу ко мне.

Слуга смутился:

— Молодой господин, вы о втором господине спрашиваете или о третьем?

— Второй дядя вчера уехал, о ком, по-твоему?! — Шэнь Минкэ вышел из себя. — О младшем дяде! Шевелись, не тяни!

— Сейчас, сейчас! — Слуга бросился бегом и минут через десять вернулся. — Молодой господин, третий господин только что вернулся и направился в дом. Вам его видеть?

— ...

Шэнь Минкэ рухнул в кресло.

Конец. Их малыш Юй попал в беду.

Теперь он понял, зачем Пэй Цинъи, готовясь к свадьбе с его дядей, продолжал работать дублёром у Юй Аня, возвращаясь каждый день выжатым как лимон, вызывая сочувствие у всей семьи. Оказывается, он ждал этого момента! Шэнь Минкэ почувствовал, что Пэй Цинъи стал другим человеком — расчётливым и страшным. Его худшие опасения сбывались: Пэй Цинъи не станет просто так рвать контракт, перед этим он обязательно успеет их цапнуть.